

Посвящается Халфдану

I
ПУТЬ

Зимой 2005 года Эрика отправилась навещать отца, Исака Лёвенстада. Путешествие получилось довольно долгим, дольше, чем она ожидала. Несколько раз ей хотелось развернуться и отправиться назад в Осло, но она продолжала ехать вперед. На пассажирском сиденье лежал мобильник, и она в любой момент могла позвонить отцу и сказать, что не приедет. Что ничего не выйдет. Как-нибудь в другой раз. Она могла бы сказать, что дороги завалены снегом и что из-за погодных условий движение остановилось. Так было бы легче для них обоих.

* * *

Восьмидесятичетырехлетний Исак жил в белом домике из известняка на острове Хаммарсё возле побережья Швеции. Раньше он

был специалистом-гинекологом, одним из первых стал применять ультразвук в своих исследованиях. Затем ушел на пенсию, здоровье его было в полном порядке, а дни текли тихо и мирно. Ухаживала за ним Симона, прожившая на Хаммарсё всю свою жизнь. На обед и ужин Симона всегда готовила Исаку горячую еду, каждую неделю прибиралась в доме, ходила за покупками, стирала и гладила одежду и еще помогала заполнить ежегодную налоговую декларацию, которую сама же и отдавала налоговому инспектору. Зубы у Исака были в порядке, однако в его правом глазу за последний год появилась катаракта.

По словам Исака, он смотрел на мир сквозь воду.

Исак с Симоной редко разговаривали. Им больше нравилось молчать.

Прожив всю жизнь в Стокгольме и Лунде, Исак навсегда перебрался на Хаммарсё, в домик из известняка, пустовавший двенадцать лет. Несколько раз Исак собирался продать домик. Когда, овдовев, он наконец продал квартиры в Стокгольме и Лунде и перебрался на остров, то, по настоянию Симоны, согласился, чтобы она стригла его волосы. Сам он делать этого не желал, сказав, что стричь-

ся ему не для кого, но, не желая лишний раз препираться, они заключили что-то вроде соглашения. Летом голова Исака была налысо выбрита и блестела, словно глобусы, которые он дарил своим дочерям Эрике, Лауре и Молли на пятилетие. Зимой же волосы отрастали, так что красивое старое лицо Исака и длинная всклокоченная грива делали его голову немного похожей на шишку.

Эрика редко встречалась с отцом, но Симона прислала ей две фотографии — на одной Исак с волосами, на другой — лысый. Эрике больше понравилась та, где он с волосами.

Эрика провела пальцем по фотографии, а потом поцеловала ее. Она вспомнила отца на Хаммарсё, как он стоит на берегу моря, протянув руки к небу, а ветер треплет его волосы и ерошит бороду.

— Папа, — сказала она, убирая фотографию в старый альбом, обычно лежавший в шкафу в спальне.

Роза, вторая жена Исака и мать Лауры, умерла в начале девяностых от тяжелой болезни мышц. Именно смерть Розы и заставила Исака переехать на остров. До этого в течение двенадцати лет в пустующий дом заходила

лишь Симона. Она вытирала пыль и выкидывала дохлых насекомых, которые залетали в дом летом, а ближе к зиме умирали на подоконнике. Она меняла замки и приводила дом в порядок после того, как туда вламывались воришки, а когда лопнули трубы и весь дом залила вода, ей пришлось заняться и этим. Вот только влага успела многое подпортить, и в доме завелась плесень, но Исак наотрез отказался от ремонта, и тут уж Симона не знала, как ей быть.

— Дом приходит в упадок, и я ничего не могу с этим поделать! — сказала она Исаку по телефону. — Либо продайте его, либо отремонтируйте и живите в нем!

— Не сейчас. Пока я ничего решить не могу, — ответил Исак.

Затем тело Розы ослабело, и, хотя ее сильное сердце не сдавалось, Исак и его молодой коллега доктор Юнас Ларссон пришли к выводу, что Розе больше мучиться не стоит. После похорон Исак объявил своим дочерям Эрике, Лауре и Молли, что решил покончить с жизнью. Таблетки у него есть, а как это сделать, он уже придумал. Однако вместо этого он переехал на остров.